

Арбатова Мария

март 2005

58

Владимир МАШАТИН

Мария Арбатова: «Любая роль может сломать человека»

Оксана ТРУХАН

Мария Арбатова – известный драматург и писательница, получившая Золотую медаль Кембриджского университета за вклад в культуру XX века в номинации «Драматургия». Сейчас Мария Ивановна пьес не пишет, а пишет прозу, а также является консультантом психологом и президентом «Клуба женщин, вмешивающихся в политику». Теперь главная феминистка нашей страны ходит только на зарубежные премьеры собственных пьес, а на наших страницах рассуждает о театре, исключительно как о явлении семейной и общественной жизни.

– Вы согласны с высказыванием Шекспира: «Весь мир театр, и люди в нем актеры»?

– Это зависит от точки зрения. Актер и режиссер скажет так, физик скажет, что весь мир – броуновское движение атомов, а военный будет утверждать, что мир – это история военных действий. Несмотря на то, что я человек, проживший в театре немало лет в

качестве драматурга, я не считаю, что весь мир – театр, а люди – актеры. Я считаю, что театр – это, конечно, волшебство, но актерская природа – отдельный феномен. В основном в жизни мы не играем, а ведем себя честно и искренно. И чем человек психически скомпенсированнее, тем меньше он играет и тем больше живет. И является самодостаточным именно в своей искренности, а не в своей шире.

– Но мы знаем, что и в социальной, и в семейной жизни люди исполняют определенные роли. Как распределяются роли в семье? Распределение этих ролей всегда зависит от желания человека?

– Роли в семье определяет «семейный сценарий» – стереотип семьи, вынесенный вами из нашей детской семьи, и иерархия властных функций. Плохо, когда люди с разными или взаимноисключающими сценариями вступают в брак, у них разная система ожиданий друг от друга, и это кончается войной на всю жизнь.

– При этом главная роль всегда одна?

– Если говорить о паре, все зависит от того, на каких началах они заключили это партнерство. Если по принципу «Ты начальник, я дурак», то они всегда будут выяснять, чья роль первая, или один будет фальшивить и делать вид, что другой главный. Но мы живем в более-менее цивилизованном обществе, и сейчас люди входят в партнерские отношения, чтобы быть вместе, а не для того, чтобы кому-то что-то доказывать. В этом смысле главного нет, люди просто договариваются: например, один больше зарабатывает, а второй принимает какие-то решения.

– Роль жертвы в семье всегда играет женщина? И если это так, то чья это вина?

– Если в семье есть запрос на роль жертвы, то в нашей стране ее традиционно занимает или женщина, или ребенок. Это вина патриархальных установок, когда люди не считаются одинаково ценными и уважаемыми независимо от пола и возраста.

– В идеальном варианте как должны распределяться роли в семье?

– Идеальный вариант – это любовь. А любовь дает людям энергию гнуться друг под друга, и они не ощущают это как тяжесть и жертву, а ощущают как радость. Даже самые кровожадные люди, когда любят, становятся друг для друга ангелами.

– Какая роль может сломать человека и как с этим справиться?

– Любая роль может сломать человека, если обстоятельства требуют больше психической энергии, чем есть у человека. Для этого ему не обязательно попасть на войну или оказаться в заключении. Сейчас мы с моей подругой Леной Эриандзе делаем проект психической и пластической реабилитации для представительниц бизнес-элиты и жен представителей бизнес-элиты. Ролевая нагрузка и нагрузка внезапных больших денег выламывает психику не меньше, чем попадание в зону катастрофы. А это женщины с очень мощной ролевой нагрузкой. С одной стороны, у них отнята жизнь, к которой их готовили в семье; с другой – нет никаких навыков к новой реальности. И этот кризис идентичности выматывает их до серьезных последствий.

Богатые люди в первом поколении – это всегда группа риска с точки зрения психической нагрузки. Жизнь потрачена на добывание денег, а потом выясняется, что за деньги нельзя ку-

пить счастье и комфорт.

– Но они-то сами понимают свою проблему?

– Конечно. Все кризисные центры отмечают их как самую тревожную группу общества. Вслед за ними, кстати, идут их дети, и только потом мужья. Поначалу уходит вкус к жизни, потом люди начинают постоянно болеть и депрессовать. Когда я первый раз оказалась у своей тети в Англии, я была удивлена, что ее помощница по хозяйству ездит на «Роллс-ройсе» и пылесосит тетин дом в костюме по цене тетиного автомобиля. У помощницы по хозяйству был муж-миллионер. А моя тетья занималась музыкальным и туристическим бизнесом, жила более интересной жизнью, чем жена миллионера, и та придумала такой странный способ жить возле моей тети и питаться ее энергетикой. Для западных богатых это нормальный ход. А наши маются целый день по массажным салонам и бутикам и доводят себя до нервного срыва, поскольку «жизнь проходит стороной».

– Вы много занимались психологическим консультированием кандидатов на выборах и баллотировались сами. Скажите, политическая сфера жизни похожа на театр?

– Это похоже на театр только по технологии. Артист и политик одними и теми же способами добиваются воздействия на аудиторию. Но послы у них совершенно разные. Актер демонстрирует себя, свою психофизику и пытается его «вломать» зрителя, а политик несет определенную политическую идею, и актерская техника для него – инструмент, чтобы «засунуть» свою программу в электорат.

– Но вашему мнению, политики всегда искренни и честны перед своим электоратом?

– Не всегда. Но в большом политическом шаре есть такой закон, что ничего не продается лучше искренности. Когда психологи ведут избирательную кампанию, что я делала неоднократно, главная задача – это дать человеку донести себя самого, потому что ложь читается на всех уровнях – даже на уровне пластики. Кажется, Эдит Пиаф говорила, что под искренность подделаться нельзя. В этом смысле чем талантливее политик, тем он искреннее, тем он больше демонстрирует свое чутье.

– Считается, что Жириновский – это хороший актер...

– Понимаете, Жириновский не политик в буквальном смысле слова. Политик – это человек, у которого есть политическая программа. У Жириновского ее никогда не было. Жириновский – это бизнесмен, который торгует своими депутатскими мандатами. Жириновский обслуживает политическую линию власти, он у власти на посылках. И поскольку он у нас главный «городской сумасшедший», то его вставляют в любую телепрограмму, и у людей складывается ощущение, что ему можно отдать свой голос. А на самом деле он персонаж из программы «Аншла! Аншла!».

– А какие люди становятся диктаторами? И если вспомнить историю нашей страны, как можно объяснить феномен авторитаризма. Сталина, например?

– Диктаторами становятся люди с очень высокой тревожностью, идущей от детских травм. Эта тревожность дает им энергию все контролировать, а с таким инструментом человек легко движется по авторитарной лестнице. Феномен Сталина не стоит рассматривать отдельно от всего населения, которое делегировало Сталину эту роль. Совсем недавно поротый народ захотел, чтобы за него все решали.

– Выбор профессии зависит от степени уверенности в себе человека?

– Уверенность в себе приходит к нам из нашего детства. Если наши родители зарядили нас уверенностью, если они на нас смотрели, как на самых красивых, самых умных, самых талантливых, то совершенно не важно, кем станет ребенок – президентом или дворником. Ему не надо будет доказывать свою состоятельность за счет других. Дело в том, что человек, на которого родители смотрели как на совершенство, относится так и к себе, и к другим. От него идет энергетика, что «я хороший, и вы все хорошие». В этой энергетике у него все получается.

– Вы по жизни в каких-то ситуациях играете?

– Конечно, бывают ситуации, когда не можешь сказать всю правду, особенно мужчинам. Но при прочих равных данных стараюсь быть честной. От сыновей у меня вообще нет никаких секретов. Только пространство без лжи становится гармоничным и комфортным для общения.